

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. — Л., 1972—1990.

Захарова Ю.Г. Развитие словарного состава русского литературного языка середины XIX в. (на материале писем И.С. Тургенева) // *Lingua mobilis*. — № 1 (47). — 2014. — С. 7—13.

Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. — М., 1956—1958.

Михельсон А.Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. — М., 1866.

Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением Императорской академии наук. — Спб., 1847. — Т. 1—4.

Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие. — М., 2005.

Трикоз Э.Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2010.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. // Письма. — М., 1984—1991. — Т. 1—8.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М., 1999.

Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — Спб., 1894.

Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Эффективное речевое общение (базовые компоненты). Словарь-справочник. Электронное изд. под ред. А.П. Сковородникова. — Красноярск, 2014.

Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). — М., 2011.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Л.Ю. ЗОРИНА | «Дыханье русских деревень» и речевой этикет*

Вологда

В статье описываются уникальные формулы благопожеланий, зафиксированные в вологодских народных говорах, характеризуется семантика этих единиц, показываются некоторые структурные типы благопожеланий и оценивается степень сохранности формул в ментальности диалектоносителей на рубеже XX—XXI вв.

Ключевые слова: *вологодские народные говоры; традиционные благопожелания; русский речевой этикет.*

В течение длительного времени наше внимание занимают вологодские диалектные благопожелания [Зорина 1992; 2012]. Предваряя свои рассуждения об их семантике, структуре и степени сохранности в диалектном языке, покажем некоторые зафиксированные в вологодских деревнях выражения, обозначая при этом коммуникативные ситуации, в которых они произносятся.

* Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Зорина Людмила Юрьевна, кандидат филол. наук, доцент, профессор Вологодского государственного университета.

E-mail: lyudmila.zorina@gmail.com

Беленько мыть! — говорят тому, кто занимается полосканием белья.

Лебеди на бук! — пожелание тому, кто на берегу водоема занимается тепловой обработкой, кипячением белья.

Белые лебеди летят! — скажут тому, кто моет пол в доме.

Вёдро на грабли! — желают тому, кто занимается сенокосением.

Дежень да каша! — адресуют тому, кто занимается уборкой зерновых.

Лук — лук, репка — пик! — тому, кто сажает лук.

Яма картови! — тому, кто занимается уборкой картофеля.

Пух под ножницы! — тому, кто стрижет овцу.

Море под коровой! — желают женщине, которая доит корову.

Мясо — сахар! — тому, кто режет скотину на мясо.

Спорынья в квашню! – скажут тому, кто замешивает тесто.

Серебро в ведро! – адресуется тому, кто черпает воду из колодца.

Мёд да патока! – тому, кто занят приготовлением домашнего пива.

Жарок да мелок! – желают хозяйке, которая печёт пироги.

Глины горсть! – желают удачного завершения работы печнику.

Баско на шов! – адресуют тому, кто занимается шитьем.

Сто стен на сновалочку! – говорят тому, кто работает на ткацком станке.

Жарок да парок! – желают идущему в баню.

Путём-дороженькой! – говорят тому, кто отправляется в путь, и т.д.

Исходя из приведенного перечня, можно дать определение понятию «благопожелание». Это традиционно сложившееся устойчивое выражение, заключающее в себе пожелание одним лицом другому лицу (лицам) успеха в деле, добра, блага. Известный исследователь русского речевого этикета Н.И. Формановская справедливо считает, что многочисленные выражения, устойчивые формулы такого рода вербализуют важный концепт в русской коммуникативной культуре – концепт благопожелания [Формановская 2011; 2012]. Судя по материалам традиционных вологодских говоров, этот концепт народной культуры вовсе не утрачен [ср.: Берестнев 2007], а представлен множеством реально существующих единиц.

Число приведенных выше фактов может быть значительно увеличено – вплоть до нескольких сотен ярких, специфичных в этнокультурном отношении формул (см.: [Зорина 2012 б]). Все они зафиксированы в беседах со старшими жителями вологодских сел и деревень. Помимо метода свободной беседы в процессе сбора материала нами были использованы метод сплошной выборки из источников по лексике вологодских говоров [Народное слово 2011 и др.], а также методы опроса и анкетирования – вплоть до рассылки специального вопросника через работников местных почтовых отделений.

Использованный в ходе этого исследования вопросник для изучения вологодского народно-речевого этикета был составлен нами исходя из перечня уже зафиксированных в полевых условиях реально прозвучавших благопожеланий. Вопросник ориентирован только на вербальные реакции

коммуникантов (мимика и жестикуляция при отсутствии специальной техники не фиксировались, поэтому далее во внимание не принимаются); отличается простотой формулировок, ибо они должны быть понятны любому информанту; включает в себя наиболее значимые для крестьянской жизни, а отнюдь не все вообще возможные коммуникативные ситуации, и др.

Выборка из словарей обследуемой территории и прилежащих к ней областей (см.: [Дилакт., СВГ, СГРС, СРГК, ЯОС и др.]) дала впоследствии лишь небольшое в количественном отношении дополнение. Причины этого различны. Во-первых, категории коммуникативной диалектологии стали изучаться сравнительно недавно, а ранее такие формулы специально не фиксировались и, соответственно, не изучались. Во-вторых, описываемые выражения могли быть отнесены исследователями к малым жанрам фольклора и как лингвистические единицы не рассматривались. В-третьих, массив традиционных диалектных формул к современности оказался потерянным в связи с коренными преобразованиями жизни сельского населения. На смену единицам характеризуемой детализированной системы пришли унифицированные емкие, но лишенные, как видим, яркой специфичности формулы: *Удачи!*, *Успеха!*, *Всего доброго!* и др. Ввиду изложенных обстоятельств материал, собранный на вологодской территории со стабильным коренным населением, представляется весьма и весьма ценным.

Созданный и использованный нами вопросник в процессе проводимых исследований воспринимался как своеобразная матрица: «накладываясь» на коммуникативную систему, реализующуюся в конкретной местности, он позволяет выявить то, что еще действительно функционирует в говоре, и отметить то, что ранее было в этой местности, но оказалось со временем утраченным.

Показательны в этом отношении некоторые материалы «Словаря вологодских говоров». В первом выпуске СВГ этих формул нет вообще [СВГ 1]. Во втором выпуске их предельно мало [СВГ 2: 3]. В последующих выпусках СВГ – значительно больше [СВГ 4: 32; СВГ 7: 19; СВГ 8: 112; СВГ 9: 69, 94, 109; СВГ 10: 101–103; СВГ 11: 39, 63; СВГ 12: 85, 135 и др.]. Это уже знак того, что «заработал» предложенный нами вопросник. В итоге работы по целенаправленному сбору материала в текст планируемого

2-го издания СВГ будут введены многочисленные дополнения. Так, если в 1-ом издании СВГ вообще нет словарной статьи на слово *Масло*, а следовательно, нет и ни одного этикетного выражения, то словарная статья во 2-ом издании СВГ с включенными в нее местными благопожеланиями может уже выглядеть таким образом:

Масло: Гусни, хрясни, дай Бог масла! *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Сметаны много мешали, масло было хорошее. Приговаривали: Гусни, хрясни, дай Бог масла! Выт. **Добро на масле!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Добро на масле! — говорят человеку, который сбивает масло. В-У. **Ком (пуд, ушат, разлив) масла (тебе)!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Раньше взбиваешь масло — скажут: «Ком масла тебе!» Так и скажут. А как же? Кир. Пуд масла! В-У. «Ушат масла!» — женщине, которая мешает сметану. В-У. **Разлив масла!** — пожелание человеку, взбивающему сметану. Тарн. **Масло желто да в крупиночку!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* Масло желто да в крупиночку! — женщине, мешающей сметану. В-У. **Масло — пахтус!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* «Масло — пахтус!» — скажут человеку, который сбивает масло. В-У. **Пахтус маслом!** *Благопожелание человеку, который сбивает масло.* В-У. **Сыр да масло!** *Благопожелание хозяйке, доящей корову.* Доишь корову, да как придет кто, и пожелает: «Сыр да масло!» Тарн.

Анализируемые благопожелания в грамматическом отношении составляют зону так называемого фактитивного оптатива. Термином *фактитивный оптатив* мы, вслед за Е.Е. Корди, обозначаем те формулы, которыми говорящий выражает свое пожелание некоторому адресату, будучи уверенным, что использованные им лексико-фразеологические средства могут так или иначе повлиять на исход дела [Корди 2009: 173]. Отсюда вытекает и частотность обращения адресанта к «высшим силам».

Основной смысл передаваемого формулами грамматического значения благопожеланий таков: <я желаю (тебе, вам) ...> или <пусть будет ...>. В семантике благопожеланий обязательно содержится сема добра, которая выражается либо прямо, непосредственно (*Беленько мыть!*, *Сыр да масло!*), либо символически (*Лебеди на бук!* — *лебеди* — символ чистоты, белизны, *Мясо — сахар!* — *сахар* — символ приятного вкуса). Описываемые высказывания с пожеланием добра, блага отвечают принципу

вежливости, который является одним из условий общения. Благодаря реализации принципа вежливости в обществе соблюдаются «социальное равновесие и дружественные отношения» [Корди 2009: 173].

При анализе диалектных благопожеланий некоторого комментария требует также соотнесенность анализируемого пласта языковых средств с единицами фольклора. Различные мнения относительно нее представлены, с одной стороны, в известном труде Г.Л. Пермякова, где пожелания, проклятия фигурируют в разделе паремий, имеющих форму незамкнутых предложений [Пермяков 1970], а с другой стороны — в трудах Т.А. Агапкиной и Л.Н. Виноградовой, В.Н. Гришановой, Н.И. Толстого, где говорится о благопожеланиях и проклятиях как лингвистических единицах. Понимаются они как «полужразеология», выполняющая коммуникативную, развлекательную и орнаментальную функции [Агапкина 1994; Гришанова 1998; 2001; Толстой 1995].

Наши наблюдения позволяют обосновать языковой, лингвистический статус интересующих нас единиц. Полагаем, что когда-то метко сказанное, подходящее к конкретной прагматической ситуации выражение (например, *Ведро молока!* при доении коровы) понравилось коммуникантам, кем-то повторилось, стало регулярно повторяться, сделалось частотным, переосмыслилось (не конкретное ‘ведро’, а ‘большое количество’), превратилось в знак этой конкретной ситуации, стало передаваться от старших носителей говора к младшим и т.д. Ср. со сходным описанием этого процесса у В.М. Мокиенко [Мокиенко 1986: 200–205]. В пользу языкового статуса благопожеланий свидетельствуют узуальность употребления таких единиц в деревенском социуме, где они выполняют коммуникативную функцию, предельная детализация в обозначении крестьянских коммуникативных ситуаций, тенденция к эллипсису выражений (*Беленько мыть!* > *Беленько!*) и др.

Однако сформировались эти единицы действительно при определяющем влиянии фольклора. Совершение многих действий выполнялось как ритуал и сопровождалось общепринятыми ритуальными фразами (например, *Сахар — мясо!* при забое скота и др.). Истоки многих благопожеланий кроются в календарной поэзии региона. Некоторые благопожелания восходят непосредственно к традиционному

обряду колядования, в процессе которого людям в гиперболизированной форме желали богатства, благополучия, благоденствия. Ср.:

Наделил бы вас Господь и житьём, и бытём, и богатством!, Дай Бог тому, кто в этом дому!, Дай им Бог из полна зерна пирога!, Дай те, Господи, на поле — прирост, на гумне — примолот, на столе гущина, в закромах — спорынья!, По три колоса на волосе! и т.д. [Вавилова 2007].

Выявив таким образом примерный круг употребляемых формул и некоторые особенности их семантики, формирования и функционирования, обратимся к вопросу о степени их сохранности в менталитете и лексиконе людей. Вопрос этот отнюдь не праздный, ибо велико искушение считать все эти формулы только отражением практически ушедшей деревенской, крестьянской культуры.

Для решения вопроса о степени сохранности традиционных формул благопожеланий в менталитете населения в последнее время нами было предпринято несколько экспедиций: в Сямженский (2009), Тотемский (2011), Тарногский (2012), Нюксенский (2013), Бабушкинский (2014) и Усть-Кубинский районы Вологодской области. Эти районы представляют собой зону распространения типичных вологодских говоров. Избранные территории удалены от областного центра на 200–400 километров. Говоры там существовали в значительном отрыве от процессов, протекавших в крупных административных центрах, и потому сохранили в основном свои традиционные черты.

Каждая экспедиция подносила исследователям свежие материалы. Наблюдателям открывались как ранее неизвестные этикетные формулы, так и новые коммуникативные ситуации с соответствующими им этикетными формулами. Так, например, летом 2013 г. в деревне Пожарище Нюксенского района были записаны ранее неизвестные нам благопожелания чихнувшему человеку *Будь охоч!*, *Будь охоча!* и пожелание девушке-невесте *Сто женихов на лестницу!* Формула *Будь охоч(а)!* выражает пожелание человеку сексуальной энергии, а *Сто женихов на лестницу!* — пожелание девушке иметь выбор лучшего из числа потенциальных женихов.

Одним из итогов проведенных экспедиций стало выявление весьма высокой степени сохранности традиционной системы

народного этикета. Степень сохранности системы благопожеланий градуируется, на наш взгляд, следующим образом:

1) высокая степень сохранности — информанты знают и употребляют формулы благопожеланий;

2) хорошая степень сохранности — информанты помнят некоторые старинные формулы, однако многие формулы находятся в пассивном запасе лексикона старших граждан;

3) удовлетворительная степень сохранности — информанты самих формул не помнят, но знают, чего обычно в той или иной ситуации желали своим адресатам люди старшего поколения;

4) нулевая степень сохранности — информанты не помнят специальных этикетных выражений, не знают их вообще, удивляются, слыша их от интервьюера.

Разная степень сохранности традиционной системы благопожеланий может быть проиллюстрирована определенными свидетельствами. Так, высокая и хорошая степень сохранности системы формул речевого этикета проявляется при заполнении нашими информантами вопросника. Приведем в качестве примера фрагмент одной из таких записей:

— *Бог-то в помощь!* — говорят, коуды говорят. *Труд на пользу!* — говорят обязательно. *Цево делаёшь, идут, бывало,* — раньше ведь на полях, што ли, дак *Труд на пользу!* — это говорят. — <А Слава труду!> — *Этого не знаю, не слыхала* [Зорина 2012 а: 203–210].

Удовлетворительную степень сохранности формул демонстрируют фрагменты наших бесед с информантом А.П. Климентьевой, 95 лет, жительницей деревни Пожарище Нюксенского района:

В первой беседе:

— Чего желали женщине, которая доит корову?

— <Молчание>.

— *Море под корову?*

— *Море под коровой — дак утонёт.*

Во второй беседе:

— *Море под коровой!* — говорили?

— *Это тоже говорили — чтобы много было молока. А сейчас идут, как попы,* — мочу.

— А когда овечку стригли?

— *Чтобы овечка обростала шерстью хорошей.*

Или еще пример из беседы с А.Ф. Поповой, 96 лет, жительницей деревни Великая Тарногского района:

— *А Возить не перевозить!* — желали?
— *Цё опять везёшь-то?* — *Ой, да у нас допол-
на всё, возить и не перевозить. Вот эко я слыха-
ла. Богатые есь дак. Богаци-ти, дак они уж возят
и возят, возят и возят. Дак не перевозить.*

Нулевая степень сохранности обычно проявляется отрицательными ответами:

*А вот не знаю. У мяя охотников не бывало. Дак
цё им говорили?* (Тарн.); *Не знаю этово. Никто мне
не говаривал, и я не говаривала* (Тарн.); *Ницё не ска-
жут, не знаю. Не знаю, цё-то всё забыла* (Тарн.).

Высокая и хорошая степень сохранности формул традиционных народных благопожеланий поддерживается в говорах различными факторами. Безусловно, на нее влияют экстралингвистические факторы: сама среда обитания людей, род их занятий, степень образования, степень религиозности. Так, например, в селе Ферапонтове Кирилловского района, широко известном благодаря расположенному там монастырю с фресками Дионисия, а также в деревне Монастырская Сямженского района, где до сего дня сохранилась величественная пятиглавая Никольская церковь, а ранее проживал весь церковный причт, обслуживавший всю округу, степень религиозности жителей была высокой. Следовательно, были сильны традиции этикетного общения.

Пенсионерка К.Я. Игнашева, в прошлом учительница начальных классов из названной выше деревни Монастырской, имела только восьмимесячное образование (*Учителей тогда на круту руку пекли!*). Но она дала нам убедительный материал для составления вопросника-матрицы по народному речевому этикету, поскольку в силу специфики воспитательной работы с учащимися учительница обращала серьезное внимание на нюансы коммуникации людей в своей местности.

На степень сохранности этикетных формул в лексиконе жителей влияют и собственно лингвистические факторы. Так, сказывается определенная однотипность структуры выражений. Особенно частотны формулы, выражающие желаемое через парность наименований желаемого:

Дежень да каша!; Мёд да патока!; Жарок да мелок!; Жарок да парок!

Это означает, во-первых, что лучше не просто пожелать *Удачи!*, как это принято в современном речевом этикете,

а использовать стандартное, применяемое к конкретной ситуации благопожелание. Во-вторых, специализированное благопожелание строится по законам народно-речевого риторического канона. Коммуниканты обычно не просто желают адресату чего-либо доброго, хорошего, а желают блага с усилением, удвоением смысла (*Дежень да каша!; Мёд да патока!*) и даже выражают пожелание многократного увеличения продукта труда (*Сто стен на сновалочку!* — пожелание наткать много полотна).

Сохранению традиционных формул благопожеланий в памяти этноса способствует их связь с обычаями и обрядами. Так, например, частотное благопожелание *Хлеб да соль!*, равнозначное современному *Приятного аппетита!*, удерживается в памяти дольше, поскольку люди старшего поколения вспоминают обычай употреблять его в составе диалогических единств:

Хлеб да соль! — Хлеба кушать!

Так принято было демонстрировать радушие, гостеприимство. Иногда, правда, ответная реплика переключала общение на отрицательный регистр:

Хлеб да соль! — Едим да свой, а ты подальше стой! (Сямж.); *Хлеб да соль! — А хлеба принеси да свой поеси!* (Вож.); *Чай да сахар! — А ты стой да ахай!* (Нюкс.).

В памяти людей надолго остается, прочно сохраняется забавное, смешное. Так, пожелание *Поварёнка в лоб!* запомнилось людям в связи с тем, что в свадебном обряде так желали, шутили, конечно, чтобы сватовство не состоялось, чтобы жениху отказали в доме невесты:

Как едут сватать, все выбегают на улицы и кричат: «Поварёнка в лоб!» (Межд.).

Это энантиосемическое пожелание выражает, напротив, пожелание благополучного завершения процесса.

На сохранность этикетных формул в современном речевом обиходе воздействуют удачные маркетинговые действия. Так, продовольственный магазин в г. Вологде назван этикетной формулой «Хлеб да соль». На уличной рекламной растяжке по одной из центральных улиц города виден рекламу специализированного заведения — благопожелание тому, кто отправляется в баню: «Жарок да парок».

Устойчивость функционирующей системы пожеланий поддерживается ее

амбивалентностью. Многие благопожелания имеют прямо противоположные им негативные соответствия, или злопожелания:

Лебеди летят!, Чайки летят! — Ворон летит! (при полоскании белья); *Лебеди на бук! — Жуки на буки!* (при тепловой обработке белья в буке, т.е. в деревянном чане, в который для нагревания воды опускают раскалённые камни); *Спорынья в квашню! — Змей в руки!* (при замешивании теста и выпечке хлеба, пирогов) и т.д.

Таким образом, в результате многолетних полевых наблюдений нам удалось обнаружить в вологодских говорах функционирование детализированной системы народных благопожеланий. Степень сохранности выявленных в говорах диалектных формул различна. Сохранность их поддерживается различными факторами экстралингвистического и собственно лингвистического характера и варьируется от практически полного владения коммуникантами всеми единицами системы до уже окончательного забвения некоторых звеньев традиционной системы.

ОБОЗНАЧЕНИЯ РАЙОНОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В-У. — Великоустюгский, Вож. — Вожегодский, Выт. — Вытегорский, Кир. — Кирилловский, Межд. — Междуреченский, Нюкс. — Нюксенский, Сямж. — Сямженский, Тарн. — Тарногский.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благопожелание: Ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: верования, текст, ритуал / Отв. ред. Н.И. Толстой. — М., 1994. — С. 168–208.

Берестнев Г.И. О двух ключевых концептах, утраченных русским языковым сознанием: «спори́на» и «благое» / Г.И. Берестнев, И.Ю. Вертелова // Структура текста и семантика языковых единиц: Сб. научных трудов. — Калининград, 2007. — Вып. 4. — С. 5–31.

Вавилова М.А. Вологодский фольклор в контексте культуры. — Вологда, 2007.

Гришанова В.Н. Речевой этикет говора как элемент народной культуры // Славянский альманах 1997. — М., 1998. — С. 307–311.

Гришанова В.Н. Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания носителей говора // Славянский альманах 2000. — М., 2001. — С. 467–471.

Зорина Л.Ю. Из наблюдений над средствами реализации категории вежливости в говорах Тарногского района Вологодской области // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Ч. 10 / Отв. редакторы Е.Н. Ильина, Г.В. Судаков. — Вологда, 2012. — С. 203–210 (а).

Зорина Л.Ю. С малиновой речью // Русская речь. — 1992. — № 1. — С. 91–95.

Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. — Вологда, 2012 (б).

Корди Е.Е. Оптатив и императив во французском языке / отв. ред. В.С. Храковский. — СПб., 2009.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. — Л., 1986.

Народное слово Вологодского края в записях XVIII–XIX веков: хрестоматия по вологодской диалектологии / Сост. Л.М. Кознева. — Вологда, 2011. — Ч. 1.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). — М., 1970.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. — М., 1995.

Формановская Н.И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. — Красноярск, 2011. — Вып. 12 (20). — С. 69–76.

Формановская Н.И. В последнее время... — М., 2012.

СЛОВАРИ

Дилакт. — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. — СПб., 2006.

СВГ — Словарь вологодских говоров. — Вып. 1–6 / Под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / Под ред. Л.Ю. Зориной. — Вологда, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. — Вып. 1–4. — Екатеринбург, 2001–2009.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. — Вып. 1–6. — СПб., 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. — Вып. 1–24 / Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. — М.; Л., 1965–1989. — Вып. 25–46 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 47–49 / Гл. ред. С.А. Мызников. — СПб., 1990–2010.

СРРЭ — Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. — М., 2001.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Под ред. Г.Г. Мельниченко. — Вып. 1–10. — Ярославль, 1981–1991.